

Роальд Мандельштам

С Т И Х И

О.В. Покровский

ПОЛОЖИ МНЕ РУКУ НА СЕРДЦЕ

/ Из воспоминаний о поэте Р. Мандельштаме /

Розами громадными увяло
Неба неостывшее литье -
Вечер, догоная за каналом,
Медленно впадает в забытье.

Ярче глаз под спущенным забрадом
Сквозь ограды плещет листопад -
Ночь идет, как мамонт Гаспруба ла -
Звездоносный плещется наряд.

Что молчат испуганные птицы?
Чьи луки скрестились над водой? -
- В дымном небе плавают зарницы,
Третий Рим застыл перед бедой.

Спят одни, другие, словно тени,
Позабыли прежние пути.
И стоят, шафранные колени
В золотые лужи опустив.

Ковшом Медведицы отчерпнут,
Скатился с неба лунный серп.
Как ярок рог луны ущербной
И как велик ее ущерб!

На мѣдных досках тротуаров,
Шурша, разлегся лунный шелк,
Пятнист от лунного отвара,
От лихорадки лунной — желт.

Мой шаг, тяжелый как раздумье
Безглазых лбов— безлобых лиц,
На площадях давил глазунью
Из луж и ламповых яиц.

—Лети, луна! Плети свой кокон,
Седая вечность— шелкопряд —
Пока темны колодца окон,
О нас нигде не говорят.

А Л Ъ Б А

Весь квартал проветрен и простужен,
Мокрый город бредит о заре,
Опустив в лазоревые лужи
Золотые луны фонарей.

Вознеся тоскующие руки
Из-за крыш, похожих на стога,
Сохнут мачты с парусом в разлуке,
Колокольни молят о богах.

За печальный час твоей прохлады,
Эос, розопарстная заря,
Я бросаю радостные клады
Фонарей, как нитку янтаря.

Я встречаю новыми стихами
Солнца ослепительный восход-
Утро с боевыми петухами
Медленно проходит у ворот.

Скоро в небесные раны
Алая — хлынет заря.
Золото ночи — бураны
Хлопьями листвьев горят.

Вижу: созвездия — кисти
Неба — победных знамен,
Слышу осенние листья,
Их металлический звон.

Бьет листопад в барабаны,
Каждым листом говоря:
— Скоро в небесные раны
Алая хлынет заря!

В О Р

Вечер входит в сырье дворы,
Разодетый пестрой петуха,
Но не в тучи закатной поры -
В серебристо-цветные меха.

Он проходит в темнеющий сад,
Попросить у поникших ветвей:
— Дай мне золота, ты, листопад,
На мониста подруге моей.

Только с ношей ему не уйти,
Перерезав дорогу ему,
Я стою у него на пути,
Все сокровища я отниму.

И монеты из желтой листвы,
И роскошную шубу из туч-
Угрожающим светом блестит
Из-за пояса вырванный луч.

Пальто, забрызганное ночью,
Тяжелый, мокрый воротник...
Лиловой тучей оторочен,
Рассвет за крышами поник.

Одно лицо простудным жаром
Горит, когда потухло всё,
Когда на улице кошмары
Ревут, как бешеный осёл.

Когда темно, как блеск стекольный,
Одна мечта всегда светла:
— Иди к Никольской колокольне
И молча бить в колокола—

Пускай в ушах дыра сквозная,
И каждый дом насквозь пробит:

— За что? — За всё!
— Зачем? — Не знаю!

Но только бить, и бить, и бить!

КОНЬ ВОРОНОЙ

Веют тучи крыльями орлана.
Над взошедшей ночью трин-травой.
Стонет город матом Тамарлана
Над своей оливковой Невой.

Из хрустальных слез концертных залов,
Золотой сонатой дребезжа,
Вороная лощадь пробежала
Веки луж оранжево смежа.

Искрозвонка лощадь вороная,
Всадник пьян настоем из часов,
Копья рук в туманы окуная
Над тяжелой мерою весов.

И, как я, хмельной твоей любовью,
Обезумев в звездной синиве,
Истекает розовою кровью
На гранитных подступах к Неве.

Мостика профиль горбатый,
Милая, тих, как всегда,
В красную дырку заката
Ветер вдевал провода.

Бедный, неласканный, старый,
Скоро устав на земле,
Кто-то качался кошмаром,
Будто в трамвайной петле.

Словом, чуть-чуть синеватый
Вечер - обычный до слез -
Тихий, как серая вата,
Скучный, как запахи роз.

— ПРОДАВЕЦ ЛИМОНОВ

— Лунные лимоны!

— Медные лимоны!

Падают со звоном—

покупайте их.

Рассыпайте всюду

Лунные лимоны —

Лунно и лимонно

в комнате от них.

— Яркие лимоны!

— Звонкие лимоны!

Если вам ночами

скучно и темно,

Покупайте луны —

Лунные лимоны,

Медные лимоны —

золотое дно.

— Эль-Дорадо!

— Эль-Дорадо!

Неужели ты не рада
Звонким жертвам листопада —
Ярким трупикам дорад.

— За ограды,

За ограды!

Рвутся мертвые дорады.

— Эль-Дорадо!

— Эль- Дорадо!

В клетках бьётся листопад!

ПРОЛОГ

— Что это? Лай ли собачий,
Птиц ли охотничьих клекот?

— Кто-то над нами заплачет.
Кто-то придет из далека.

— Взвоют ли дальние трубы?

— Воют: но только впустую:
Умерших в черные губы
Белая ночь поцелует.

— Настежь распахнуты двери...

— Близится дымное завтра...

— Что там?

— Толпятся деревья!

— Любятся бронтозавры!

" Положи мне руку на сердце. Мне страшно, — сказал Алик.

Алик умирал и знал это.

Длилась ночь. Было темно и холодно.

Алик хотел уснуть и не мог. Я сидел на его кровати, положив ему руку на сердце. Было темно, холодно и как-то странно. Длилась ночь, не кончалась. А за окном город, равнодушный ко всему, безразличный даже к самому себе.

Алик умирал.

Страх жил.

Он никогда не позволял себя жалеть.

В его пустой комнате на полу стопки книг, а на стенах чернеют мрачные пейзажи Рихарда Васьми, самого близкого друга Мандельштама.

Художник Васьми был так же одинок, уходившим в свое одиночество от своего одиночества.

.....

" Вы знаете, Рихард собирается уехать в Нарву",
сказал я.

" Только через мой труп"

Длилась ночь.

Алик не мог заснуть.

.....

Было темно, холодно и ~~так~~ тепло, что сейчас, вспоминая, кажется странным, что в его комнате еще отсутствовало центральное отопление.

Приходили друзья, ломали остатки мебели, какие-то этажерки, — бросали в печь, создавая получасовую иллюзию тепла.

Но в эту ночь не было и их...

.....

" Я пишу для себя и друзей. У меня есть новые стихи.
Сейчас не показать."

.....

В темноте длилось молчание.

.....

" Я пришел к выводу, что стихотворение должно быть
афоризмом. Афоризм – и его раскрытие".

.....

Ожидаемое всегда неожиданно.

О смерти Мандельштама рассказывают легенду.

Уже умирающий, он поднялся с постели и сам дошел до аптеки, чтобы взять по рецепту морфий, полагавшийся ему, как раковому больному. Умер на кушетке в аптеке.

Легенде можно верить, зная гордую независимость в характере Алика.

Поэты остаются поэтами до конца.

Для него приближение смерти было темой – ее пронзительной нотой.

И быть может поэтому, мы, знающие, что Алик обречен, не осознавали: конец рядом.

Для нас Алик был Аликом. Но когда его не стало, не стало своеобразного большого поэта.

Алик Мандельштам – голос и память поколения конца 50-х годов.

Это было поколение мрачных, уходивших в себя, замыкавшихся в небольшие группы, каждая со своей особой странной культурой, со своими принципами и оценками, группы,

не знавшие друг друга.

Это настроение отрешенности было мрачным фоном поэзии Алика.

Все было потом. Мода на битников и хиппи.

Но для того поколения это была не мода, а трагедия и тема, за которую платили страданиями.

Где они все, окружавшие поэта! Умерли так же, как он, потеряли друг друга, затерялись в городе. Или ушли в свое одиночество, как окончательно ушел в себя Рихард.

Кто вправе судить?

Алик распорядился своей жизнью так, как мог и так, как хотел.

Даже наркомания, приведшая к раку, погубившего поэта, была его немой свободой.

.....

.....

Положите руку на сердце поэта – на сохранившиеся его стихи!

Стоит ли жалеть Мандельштама? Он прожил жизнь короткую, напряженную и творческую.

Но живых – жаль.